

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-1-3>

УДК 332.1

JEL R1, C180

Н. С. Аскеров ^{а)}, О. Ю. Трофименко ^{б)}, С. И. Шаныгин ^{в)}^{а)} Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация^{б)} Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация^{в)} Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Регионы Северного Кавказа и Прикаспия: методический подход к оценке развития и межрегиональным сопоставлениям¹

Аннотация. Северный Кавказ и Прикаспий России (СКИП) – уникальный регион с богатым культурным наследием, сложной этнической структурой, выгодным географическим положением и вполне развитой инфраструктурой. Однако его производственные системы сохраняют отставание от среднероссийских, а исторически обусловленные этноконфессиональные и социально-экономические черты формируют устойчивые вызовы развитию. Авторы анализируют состояние экономики 11 регионов СКИП на основе методологии расчета показателей Росстата применительно к производственным системам регионов. Экономико-статистические показатели объединены в три группы: характеристики населения; состояние и развитие производственного потенциала; результативность деятельности организаций. Одни показатели применены в классическом виде, другие нормированы для обеспечения сопоставимости. Предполагается, что низкая результативность хозяйственных систем макрорегиона СКИП обусловлена не дефицитом ресурсов, а институциональными ограничениями, снижающими ожидаемый эффект от реализации федеральных программ развития. Общее отставание СКИП от среднероссийских уровней по основным макроэкономическим показателям не коснулось сельского хозяйства, но его высокая доля в ВРП обычно указывает на слабое развитие других отраслей. Анализ выбранных регионов позволил определить, что наиболее низкие официальные показатели демонстрируют те субъекты, в которых доминируют коренные этносы. При этом высокая доля ненаблюдаемой экономики в рассматриваемых регионах может исказить официальную статистику, маскируя реальные доходы населения и деловую активность. Это усложняет оценку истинного экономического положения в регионах и эффективности государственных программ поддержки. Статья может быть полезна при разработке программ социально-экономического развития регионов и базовых методик оценивания их результативности.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Прикаспий, региональное развитие, валовой региональный продукт, экономический потенциал региона, производственная система региона, институциональная среда, государственная программа

Благодарность: Работа выполнена в рамках дорожной карты развития сотрудничества между СПбГУ и ДГУ (Соглашение 01/1-69-222-СПбГУ от 13.08.2023 г.) и при поддержке СПбГУ (ID Pure 131452274).

Для цитирования: Аскеров Н.С., Трофименко О.Ю., Шаныгин С.И. (2026). Регионы Северного Кавказа и Прикаспия: методический подход к оценке развития и межрегиональным сопоставлениям. *Экономика региона*, 22(1), 29–44. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-1-3>

¹ © Аскеров Н. С., Трофименко О. Ю., Шаныгин С.И. Текст. 2026.

Nizami S. Askerov ^{a)}, Olga Yu. Trofimenko ^{b)}, Sergei I. Shanygin ^{c)}^{a)} Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation^{b)} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation^{c)} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

The North Caucasus and Caspian Regions: A Methodological Approach to Development Evaluation and Interregional Comparison

Abstract. The North Caucasus and Caspian region of Russia (NCCR) is a distinctive macroregion with rich cultural heritage, complex ethnic composition, favourable geographic location, and relatively developed infrastructure. However, its production systems lag behind national averages, and long-standing ethno-confessional and socio-economic features continue to constrain development. This study examines the economic conditions of 11 NCCR regions using Rosstat's methodology for calculating indicators of regional production systems. The indicators are grouped into three categories: population characteristics; the state and development of production capacity; and organizational performance. Some indicators are used in their original form, while others are normalized to ensure comparability. The analysis suggests that the low performance of the economic system in the NCCR macroregion stems not from resource scarcity but from institutional constraints that limit the effectiveness of federal development programs. Although the region's overall lag behind national averages does not extend to agriculture, the sector's high share in gross regional product typically reflects underdevelopment in other parts of the economy. The lowest official economic indicators are concentrated in areas with predominantly indigenous ethnic populations. A large informal economy further distorts official statistics, obscuring actual household incomes and business activity, which complicates assessment of both regional economic conditions and the effectiveness of state support measures. The findings may be useful for designing regional socio-economic development programs and for developing baseline methodologies to evaluate their effectiveness.

Keywords: North Caucasus, Caspian Sea regions, regional development, gross regional product, regional economic potential, regional production system, institutional environment, state development programs

Acknowledgments: This work was carried out within the framework of the Cooperation Development Roadmap between Saint Petersburg State University and Dagestan State University (Agreement No. 011-69-222-SPbU dated 13 August 2023), and was supported by Saint Petersburg State University (Pure ID 131452274).

For citation: Askerov N.S., Trofimenko O.Yu., & Shanygin S.I. (2026). The North Caucasus and Caspian Regions: A Methodological Approach to Development Evaluation and Interregional Comparison. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 22(1), 29–44. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-1-3>

Введение

Многообразие регионов РФ предопределяет специфику как их развития, так и применяемых в их отношении инструментов государственного регулирования. Одним из наиболее специфических российских регионов, где достаточно сложно проходят процессы социально-экономических преобразований, является Северный Кавказ и Прикаспий (СКИП). Отмечается нереализованность его потенциала из-за недостаточной инвестиционной привлекательности в силу институциональных особенностей, экономической и социальной обстановки¹. В условиях разворота России на Восток геостратегическое значение СКИП сложно переоценить, в частности с точки зрения развития внешней торговли страны и формирования транспортных коридоров (Домбровская, 2022). СКИП является одним из основных объектов центральноазиатской и кавказской геополитики Китая (Бабаян, 2012), а регион рассматривается как форпост России в меняющемся мире.

¹ Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года. <http://static.government.ru/media/acts/files/1202205060019.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).

В ходе организации исследования встал вопрос определения состава рассматриваемых регионов. В соответствии со Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., в состав Северо-Кавказского макрорегиона входят республики Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия — Алания, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская республики и Ставропольский край². В целях решения исследовательских задач рассмотрены и такие соседние с северокавказским прикаспийские регионы, как Краснодарский край, Астраханская область, Республика Калмыкия и Республика Адыгея³.

² Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р не учитывает последующие изменения состава субъектов Федерации в 2022 г.

³ Общероссийский классификатор экономических регионов включает в состав северокавказского экономического района кроме указанных семи северокавказских регионов Республику Адыгея, Республику Крым, Краснодарский край, Запорожскую, Херсонскую и Ростовскую области, а также Севастополь. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115583/0ea00b4142e612de60c5290a5a547b654573e76d/ (дата обращения: 30.10.2024). Там, где это не нарушает целостности изложения, мы будем использовать не официальные названия регионов, а сокращенные.

Социально-экономические показатели данных регионов заметно отличаются от значений субъектов северокавказского макрорегиона, что позволяет выявить характерные особенности последнего и предложить адекватные меры и инструменты государственного регулирования.

Цель исследования заключается в формировании и апробировании системы оценивания и сравнительного анализа регионов на примере Северного Кавказа и Прикаспия, позволяющей не только диагностировать текущие проблемы их экономического развития, но и идентифицировать потенциал и точки роста. В статье непосредственно сравниваются индикаторы 2017 и 2023 гг. (до и в конце реализации комплекса нацпроектов РФ, в рамках выполнения майских указов Президента РФ). Сделан вывод, что изменения в этих регионах незначительные и скорее общефедеральные, чем региональные.

В качестве гипотезы мы предполагаем, что низкая результативность хозяйственной системы ряда субъектов СКИП, несмотря на значительный потенциал и внешнюю поддержку, обусловлена не столько нехваткой ресурсов, сколько недостаточным уровнем институционального развития, при котором местные институты ослабляют или искажают ожидаемый эффект от реализации федеральных программ. Экономические отношения зачастую подвержены влиянию сохраняющихся элементов традиционных отношений и ценностей, в связи с чем экономические показатели развития регионов могут демонстрировать отставание от среднероссийских.

Для ряда субъектов характерны уникальные черты: полиэтничность, поликонфессиональность, полиюридизм, заметная роль неэкономических форм и методов регулирования общественных отношений и др. В поведении экономических субъектов сохраняются проявления, присущие традиционному типу экономической системы. Так, институт родства способствует солидарному взаимодействию представителей одного и того же рода в различных экономических ситуациях. Весомое значение придается социальному происхождению в принятии решений по карьерным вопросам.

Институт взаимоподдержки, укоренившийся в ряде субъектов, может оказывать положительное воздействие на результаты деятельности домохозяйств, фирм и даже страны. Солидарные экономические действия субъектов родственно-экономических отношений могут способствовать увеличению объёмов производства продукции, прибыли, снижению трансакционных издержек и т. д., что позволяет поддерживать уровень жизни, превышающий тот, о котором свидетельствуют макроэкономические показатели.

Ещё одна особенность региона — полиюридизм, или взаимодействие трёх правовых систем: официального, обычного и религиозного права. В условиях солидарных экономических действий субъекты хозяйствования согласовывают между собой, какой из правовых систем следует пользоваться в целях максимизации дохода.

Характерной чертой рассматриваемого региона также является многонациональность. Различные народы: кабардинцы, карачаевцы, ингуши, осетины, адыги, цахуры, рутульцы, чеченцы, балкарцы, табасаранцы, кумыки и др., — имеют свою исторически сложившуюся территорию традиционного хозяйствования, язык, культуру, устоявшиеся правовые нормы и во многом отличную от других институциональную систему.

Несмотря на повышенное внимание к региону со стороны органов государственной власти, в научной литературе наблюдаются пробелы в его исследовании. СКИП довольно редко рассматривается в совокупности. При этом в РФ наблюдается усиленное взаимовлияние географически близких регионов (Щербаков, Терещенко, 2023). Сулов и др. (2018) показали, что Центральный, Северо-Кавказский, Южный и Приволжский округа более всего выигрывают от интеграции в многорегиональную систему.

Работы, охватывающие только Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО), среди системных проблем выделяют низкий уровень и нестабильность собственных доходов, дотационность и высокую долговую нагрузку бюджетов его субъектов, недостаточную эффективность государственного и муниципального управления. Ахмедуев (2021) говорит об отсутствии четкого пространственного размещения производительных сил и резком отставании от других территорий РФ. Акбашева и соавт. отмечают низкие социально-экономические показатели (Akbasheva et al., 2020). Алибий и Сарбашева (2022) среди индикаторов структуры роста выделяют состояние экономического центра территории и представляют методики его определения. Авксентьев и Гриценко (2023) прогнозировали развитие этнополитической ситуации на Северном Кавказе. Аскеров (2018) определяет задачи, без решения которых развитие этнорегионов представляется проблематичным.

Холланд (Holland, 2015) отмечает, что субсидирование является важным компонентом экономической политики РФ, а другие источники роста остаются недоиспользованными. Федеральные субсидии, прямые инвестиции в инфраструктуру, государственно-частное партнерство в масштабных проектах по созданию новых рабочих мест недостаточны (Kolosov et al., 2017), требуется пересмотр действующего меха-

низма стратегического планирования социально-экономического развития СКФО (Saralinoва et al., 2023). Селиверстов и др. (2021), напротив, отмечают высокий уровень эффективности мер государственной поддержки в период пандемии COVID-19. А.Н. Гадиева (2020) обозначает особую роль туристического сектора в качестве возможного драйвера роста, а Е.Г. Ефимова (2009) — транспортного.

Современные теории пространственного развития основаны на применении подходов из различных областей знаний (Гурович, Чистов, 2021). Достижение региональной экономической устойчивости — сложная для практической реализации задача (Bristow & Healy, 2018), Стародубовская с соавт. предлагают базировать развитие Северного Кавказа на мобилизации имеющихся внутренних резервов, отмечая, что неблагоприятная институциональная среда приводит к непроизводительному использованию ресурсов (Starodubovskaya et al., 2021). Суспицын (2018) констатирует существенное смещение инвестиций в основной капитал в пользу регионов интенсивного природопользования. Причины связываются с проявлениями монополизма в сырьевых отраслях экономики и финансовом секторе (Kalenichenko et al., 2014). Кумо с соавт. отмечают необходимость развития деловой активности в регионах, не занимающихся добычей ископаемых ресурсов (Kumo et al., 2018). Это соотносится с положениями теории кластерного анализа о том, что увеличение количества предприятий на определенной территории является стимулом создания конкурентных преимуществ для организаций одной отрасли или в связанных с ними отраслях (Porter, 1998).

Гранберг и др. (2008) предложили методики подготовки массивов сопоставимых региональных индикаторов и межрегиональных сопоставлений и комплексного прогнозирования развития регионов. Верзилин и соавт. (Verzilin et al., 2018) используют различные подходы к сбору и интеграции разнородных данных в многокритериальную оценку их состояния. Соколов и др. (2023) предлагают методику оценки взаимного влияния национального интеллектуального капитала и современных информационных технологий управления, утверждая, что разработанные ранее методы оказываются плохо применимыми в современных условиях. Ряд исследований опирается на математические модели экономического роста типа Неймана, однако отмечается отсутствие достаточного для РФ временного ряда таблиц системы «затраты-выпуск», пробелы в информационном обеспечении и др. (Стрижкова, Куранов, 2021). Захарова и др. (2023) говорят о необходимости создания новых под-

ходов для проведения эмпирических исследований макрорегионов РФ.

Таким образом, к настоящему времени в литературе практически не присутствуют работы, направленные на комплексное изучение СКИП, а имеющийся в распоряжении исследовательский аппарат, хотя и совершенствуется, имеет ограничения. Авторы данной статьи предлагают проведение сопоставлений регионов СКИП на базе статистического анализа традиционных (общедоступных) экономических показателей. Предполагается диагностировать основные уязвимости регионов и заложить основу для будущих исследований, направленных на преодоление существующих дисбалансов.

Практическая значимость исследования состоит в применении полученных результатов при формировании и оценке государственных программ регионального развития с учетом особенностей регионов, а также того, что статистические данные отражают наличие тех или иных проблем, но не в полной мере демонстрируют реальное положение дел вследствие ряда особенностей, влияющих на организацию бизнеса и отчетность в регионах.

Методы исследования

Для исследования выбраны показатели, традиционно используемые в программах международных сопоставлений ООН и в качестве индикаторов национальных проектов РФ, позволяющие провести сравнительный анализ уровня социально-экономического развития регионов нашей страны относительно среднероссийских значений. За основу взята методология расчета показателей Росстата, анализ выполнен применительно к производственным системам регионов. Для этой цели показатели разделены на три подгруппы.

А) Характеристики населения региона.

Валовой региональный продукт на душу населения (Gross Regional Product Per Capita, далее — GRPPC, тыс. руб.):

$$GRPPC = \frac{GI - IC}{P}, \quad (1)$$

где GI — валовой объем выпуска продукции в регионе; IC — промежуточное потребление; P — численность населения региона.

Среднедушевые денежные доходы населения нормированные (Income, далее — IN , количество раз):

$$IN = \frac{ACI}{12 \cdot P \cdot MB}, \quad (2)$$

где ACI — годовой объем денежных доходов всего населения региона; MB — стоимость потребительской корзины; 12 — количество месяцев в году.

Общая численность рабочей силы (*Total Labor Force*, далее — *TLF*, тыс. чел.):

$$TLF = NE + NUE, \quad (3)$$

где *NE* — численность занятых от 15 до 72 лет; *NUE* — численность безработных от 15 до 72 лет.

Численность рабочей силы нормированная (*Standardized Labor Force*, далее — *LF*, %):

$$LF = \frac{TLF}{P} \cdot 100\%. \quad (4)$$

Б) Характеристики состояния и развития производственной системы региона.

Уровень безработицы (*Unemployment Rate*, далее — *UR*, %):

$$UR = \frac{NUE}{TLF} \cdot 100\%. \quad (5)$$

Уровень безработицы (обратное значение) (*Unemployment Rate Reversed*, далее — *URR*, %), использованный в статье:

$$URR = 100\% - UR. \quad (6)$$

Степень изношенности основных фондов (*Unworthiness of Fixed Assets*, далее — *UFA*, %):

$$UFA = 100\% - DFA, \quad (7)$$

где *DFA* — степень износа основных фондов.

Инвестиции в основной капитал в пересчете на 1 человека из состава рабочей силы (*Investments in Fixed Assets*, далее — *IFC*, тыс. руб.):

$$IFC = \frac{CA}{TLF}, \quad (8)$$

где *CA* — сумма расходов на строительство и реконструкцию объектов, приобретение оборудования и др.

Стоимость основных фондов в пересчете на 1 человека из состава рабочей силы (*Cost of Fixed Assets*, далее — *CFA*, млн руб.):

$$CFA = \frac{FBV}{TLF}, \quad (9)$$

где *FBV* — полная учетная стоимость основных фондов.

В) Характеристики результативности деятельности производственной системы региона.

Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций в пересчете на 1 человека из состава рабочей силы (*Balanced Financial Result*, далее — *BFR*, тыс. руб.):

$$BFR = \frac{GLS + NIO}{TLF}, \quad (10)$$

где *GLS* — сумма прибыли (убытка) от продажи товаров (работ, услуг), основных средств, иного имущества организаций; *NIO* — чистые доходы от прочих операций.

Валовой региональный продукт в пересчете на 1 человека из состава рабочей силы (*Gross Regional Product, GRP*, тыс. руб.):

$$GRP = \frac{GI - IC}{TLF}. \quad (11)$$

Доля продукции сельского хозяйства в валовом региональном продукте (*Share of Agricultural Output in Gross Regional Product, AOGRP*, %):

$$AOGRP = \frac{AO}{GRP} \cdot 100\%, \quad (12)$$

где *AO* — стоимость продукции сельского хозяйства региона в хозяйствах всех категорий.

Чистый экспорт со всеми странами в пересчете на 1 человека из состава рабочей силы (*Net Export, NE*, тыс. долл. США):

$$NE = \frac{E - I}{TLF}, \quad (13)$$

где *E* — экспорт товаров в ценах франко-граница страны-экспортера; *I* — импорт товаров в ценах франко-границы страны-импортера.

В ходе исследования применены нижеследующие допущения.

1. В качестве исследуемого периода выбраны 2017–2023 гг. Это обусловлено следующим: а) 2017 г. непосредственно предшествует началу реализации в стране национальных проектов в рамках майских указов Президента РФ; б) за 2024–2025 гг. годы официальные данные на сайте Росстата отсутствуют; в) ретроспективный детализированный анализ экономических систем глубиной более 9–10 лет обычно условно целесообразен из-за существенных изменений самих систем, а в 2014–2016 гг. происходила первичная адаптация экономики России к введенным внешним санкциям, поэтому значения показателей в этот период не являются типичными.

2. В качестве источника количественных оценок показателей использованы официальные данные с сайта Росстата, при этом за 2022–2023 гг. данные о результатах внешней торговли отсутствуют. Все стоимостные показатели представлены в постоянных ценах 2017 г.: для российского рубля — на основе индекса-дефлятора ВВП, для доллара США — на основе уровня инфляции в США (по данным Международного валютного фонда¹). Данные по России в целом приведены без исключения рассматриваемых 11 регионов.

3. Классические механизмы сбора первичной статистической информации, по мнению авторов, в большей мере адаптированы для промышленных регионов и регионов с относительно высокой плотностью населения и в меньшей

¹ IMF. (2024). <https://svspsb.net/danmark/infljacija.php?l=ssha> (дата обращения: 30.10.2024).

мере — для аграрных и с низкой плотностью, но другие официальные данные отсутствуют. Так как рассматриваемые регионы исторически относятся к аграрным, для сохранения объективности оценок дополнительно был проанализирован показатель «Доля продукции сельского хозяйства в валовом региональном продукте».

4. Значения всех показателей в рассматриваемых 11 регионах РФ (условно — VI_i), использованные для построения полярных диаграмм на рисунке 2, представлены в долях к среднероссийскому значению этих же показателей отдельно для 2017 г. и отдельно для 2023 г. Расчетная формула:

$$VI_i = \frac{RVI_i}{CVI}, \quad (14)$$

где RVI_i — значение каждого показателя в i -м регионе; CVI — значение каждого показателя для страны в целом.

5. Согласно исторически сложившейся традиции, СКип РФ включает полностью 11 субъектов¹: Астраханская область (r-AO), Кабардино-Балкарская Республика (r-KBR), Карачаево-Черкесская Республика (r-KCHR), Краснодарский край (r-KK), Республика Адыгея (r-RA), Республика Дагестан (r-RD), Республика Ингушетия (r-RI), Республика Калмыкия (r-RK), Республика Северная Осетия — Алания (r-RSOA), Ставропольский край (r-SK), Чеченская Республика (r-CHR). Совокупность этих регионов в целом (как макрорегион Северного Кавказа и Прикаспия РФ) обозначена «r-NCC», Россия в целом — «r-RUS».

Результаты исследования

Общая ситуация

Рассмотрим отдельные закономерности экономического развития этих регионов в указанный период времени в разрезе основных показателей. На рисунке 1 представлена динамика ВРП на душу населения (GRPPC) и уровня безработицы (UR) для СКип в целом в сравнении с общероссийским уровнем. Величина ВРП на душу населения для России в целом в этот период медленно росла с 540,0 до 620,9 тыс. р. (в постоянных ценах), среднегодовой прирост составил 2,4 %, этот же показатель для СКип был почти в два раза меньше и увеличился незначительно с 294,2 до 309,5 тыс. р., среднегодовой прирост — 0,8 %. Такой результат для страны, которая десятилетие находится в условиях экономических санкций, считается неплохим, но аналогичный прирост для СКип — не самый лучший. С другой стороны, традици-

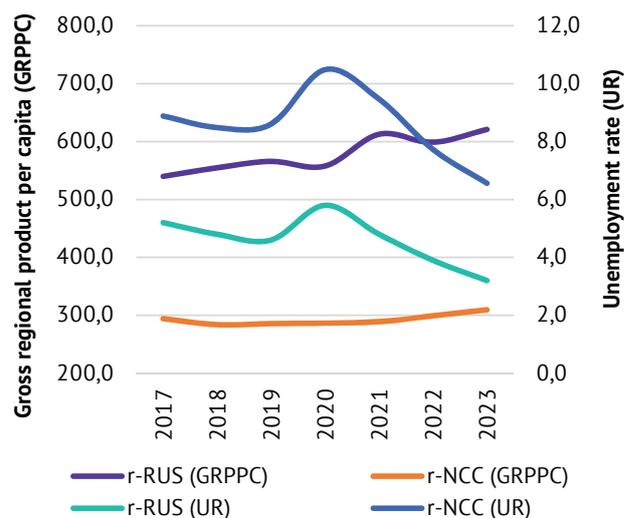

Рис. 1. Динамика GRPPC (тыс. руб.) и UR (%) (источник: составлено авторами)

Fig. 1. Dynamics of gross regional product per capita (thousand rubles) and the unemployment rate (%) (Source: compiled by the authors)

онные отношения и институты ряда субъектов обуславливают формирование ненаблюдаемой экономики. Теневой сектор в кавказских регионах составляет, по экспертным оценкам, 40–65 % ВРП (Бадюкина, Лизина, 2021). Этнородовые связи и институт взаимоподдержки позволяют гражданам вести экономическую деятельность, результаты которой не отражаются в статистических и макроэкономических показателях.

Уровень безработицы в РФ в целом и макрорегионе СКип в частности колебался значительно больше предыдущего показателя, в обоих уменьшался примерно с одинаковыми темпами, наблюдался скачок в 2020 г., обусловленный пандемией. Значения в России и регионе СКип различались примерно в 1,9 раза: если в первом случае этот показатель снизился за рассматриваемый период с 5,2 до 3,2 %, то во втором — с 8,9 до 6,6 %. Следует отметить, что это официальные данные, фактическая ситуация также отличается в силу наличия указанных выше институтов.

Ситуация в разрезе основных индикаторов

Детализируем ситуацию в контексте указанных в разделе «Методы исследования» показателей (индикаторов нацпроектов РФ). Для нивелирования уровней естественных ошибок, обусловленных сбором официальных данных о разных показателях и о существенно различных регионах страны, используем порядковую (рейтинговую) шкалу.

А) Характеристики населения региона.

Валовой региональный продукт на душу населения (GRPPC). Значения показателя в рассматриваемых 11 субъектах РФ на протяжении всего

¹ В скобках указано условное обозначение в порядке, установленном источником официальной информации — Росстатом. <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 30.10.2024).

периода были ниже среднероссийского уровня и менялись незначительно (в постоянных ценах). Астраханская область и Краснодарский край отличались в лучшую сторону от остальных регионов, различия же между остальными регионами были меньше. В Дагестане, Ингушетии, Чечне значение показателя за период уменьшилось, в остальных — выросло. Рейтинг регионов по величине его прироста за весь период следующий (в порядке ухудшения, процент): r-RK (24,88), r-RUS (14,99), r-RA (10,94), r-KK (10,91), r-AO (7,07), r-KBR (6,28), r-SK (4,94), r-RSOA (4,31), r-KCHR (0,39), r-CHR (-1,71), r-RD (-10,71), r-RI (-17,44). Среднее за период времени значение составило (в порядке ухудшения, тыс. руб.): r-RUS (579), r-AO (495), r-KK (424), r-RK (299), r-SK (257), r-RA (245), r-RSOA (215), r-RD (195), r-KBR (175), r-KCHR (172), r-CHR (143), r-RI (117).

В Ингушетии и Чечне значения показателя крайне низкие, в других северокавказских регионах также невысокие, что в значительной мере обусловлено высоким уровнем нелегального производства. Специфическая система экономических отношений, характерная для ряда субъектов исследуемого региона, отражается на результатах производственной деятельности. Они могут оказывать как максимизирующий, так и минимизирующий эффект и выступать как известные в микроэкономической теории внешние эффекты — экстерналии.

Среднедушевые денежные доходы населения нормированные (IN). Представляют собой количество потребительских корзин, которое можно приобрести на ежемесячный доход одного жителя региона. Значения показателя были ниже общероссийского уровня за исключением Краснодарского края (только с 2020 г.) и менялись с течением времени незначительно. При этом в России значение выросло за период с 2,16 до 2,49 раз, в Ставропольском крае — уменьшилось, в остальных регионах — увеличилось. Рейтинг регионов по величине прироста показателя за весь период следующий (в порядке ухудшения, процент): r-KBR (31,38), r-RK (22,09), r-CHR (20,21), r-AO (17,85), r-RUS (15,62), r-RA (14,99), r-KK (13,82), r-RSOA (9,06), r-KCHR (3,65), r-RD (2,40), r-RI (0,60), r-SK (-0,54). Среднее за период значение составило (в порядке ухудшения, раз): r-KK (2,26), r-RUS (2,22), r-RA (2,03), r-RD (1,89), r-AO (1,73), r-RSOA (1,71), r-CHR (1,58), r-KBR (1,54), r-SK (1,49), r-RK (1,25), r-KCHR (1,25), r-RI (1,23).

Наихудшие показатели имеют место в Ингушетии, Карачаево-Черкесии и Калмыкии. Современные процессы цифровизации экономики, развитие высокотехнологичных производств и углубление общественного разделения труда требуют осуществлять подбор кадров, отличающихся высоким уровнем квалификации,

однако в условиях укоренившиеся этно-родовых отношений подбор кадров производится исходя из принципа «свой / не свой», принципа «этнического фаворитизма», что часто приводит к выполнению производственных и / или управленческих функций непрофессионалами. Это оказывает существенное влияние на уровень показателя.

Численность рабочей силы нормированная (LF). В разрезе этого показателя ситуация в регионах была более разнородной. В России в целом доля рабочей силы в общей численности населения выросла примерно с 51,7 до 52,0 %. Все время немногим выше этого уровня значения были в двух регионах: Астраханской области и Ингушетии, в других — ниже. В целом за период в половине регионов значения показателя немного поднялись, в половине — немного снизились. В 2020 г. они временно уменьшились в Дагестане и Северной Осетии, в других регионах «реакция на пандемию» была более мягкой. Рейтинг регионов по величине прироста показателя за весь период следующий (в порядке ухудшения, процент): r-KCHR (7,86), r-SK (5,07), r-RSOA (2,59), r-KK (2,20), r-RD (2,09), r-RUS (0,62), r-RK (-0,65), r-RI (-0,66), r-KBR (-0,89), r-RA (-2,32), r-CHR (-2,69), r-AO (-3,07). Среднее за период значение составило (в порядке ухудшения, процент): r-RI (52,9), r-AO (52,3), r-RUS (51,3), r-RK (50,3), r-KBR (49,9), r-KK (48,9), r-SK (47,8), r-RSOA (46,5), r-KCHR (45,4), r-RD (43,9), r-CHR (43,3), r-RA (41,6). В Ингушетии доля рабочей силы в общей численности населения самая высокая — 52,9 %, в то же время среднедушевые денежные доходы населения — самые низкие.

Б) Характеристики состояния и развития производственной системы.

Уровень безработицы (UR). В России в целом этот показатель за период уменьшился с 5,2 до 3,2 %. Достаточно близки к этому были Краснодарский и Ставропольский края, еще 8 регионов имели более низкие, но почти сопоставимые уровни в диапазоне от 4,0 до 18,5 %, а в Ингушетии он составил в разные годы от 26,4 до 28,5 %, что, с одной стороны, вызывает беспокойство, с другой стороны, отражает только официальный уровень, не всегда точно характеризующий ситуацию. Во время пандемии во всех регионах этот уровень временно вырос в большей или меньшей мере с последующим возвратом к прежним трендам. За период значение показателя выросло в Ингушетии, в остальных регионах — снизилось. Рейтинг регионов по величине его прироста за весь период следующий (в порядке ухудшения, процент): r-KK (-64,91), r-RA (-54,55), r-KCHR (-45,93), r-AO (-40,54), r-RUS (-38,46), r-RK (-34,34), r-SK (-26,92), r-CHR (-23,57), r-RSOA (-14,41), r-KBR (-12,50), r-RD (-0,83), r-RI (5,30).

Среднее за период значение составило (в порядке ухудшения, процент): r-KK (4,56), r-RUS (4,61), r-SK (4,94), r-AO (7,07), r-RA (7,64), r-RK (8,86), r-KBR (11,01), r-KCHR (11,61), r-RSOA (12,14), r-RD (13,06), r-CHR (13,70), r-RI (28,01).

Заметно высокий уровень безработицы сохраняется в Ингушетии, Чечне и Дагестане, несколько более благоприятная ситуация характерна для Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии. Специфику регионального рынка труда во многом определяют традиционно высокая роль аграрного сектора и сезонная занятость, что поддерживает безработицу и стимулирует миграционный отток образованной молодежи, а также распространение отходничества. Доля занятых в неформальной экономике в субъектах СКФО достигает примерно половины работающего населения.

Степень изношенности основных фондов (UFA). Для этого показателя почти во всех регионах была характерна достаточно высокая колеблемость. Общероссийский уровень за период в целом увеличился с 49,1 до 52,0 %, однако до 2021 г. он медленно уменьшался и только позже резко вырос. Такие значения показателя являются достаточно низкими, и это средний уровень для 11 регионов. Худшая ситуация наблюдалась в Астраханской области, Дагестане, Чечне, Ставропольском крае. При этом в целом за период показатель снизился в Краснодарском крае, Астраханской области, Дагестане и Кабардино-Балкарии, в других регионах — вырос, причем в значительной части регионов после 2021 г. Рейтинг регионов по величине его прироста за весь период следующий (в порядке ухудшения, процент): r-RK (29,48), r-RSOA (29,05), r-RA (21,08), r-RI (10,32), r-RUS (5,91), r-SK (1,50), r-KCHR (1,28), r-CHR (0,47), r-AO (-4,21), r-KK (-9,08), r-RD (-10,87), r-KBR (-16,28). Среднее за период значение составило (в порядке ухудшения): r-KCHR (60,4 %), r-KK (57,3), r-RK (56,2), r-KBR (53,1), r-RSOA (52,4), r-RA (49,9), r-RI (49,6), r-RUS (49,4), r-RD (47,5), r-AO (47,3), r-SK (45,9), r-CHR (44,7).

Хотя показатели для Дагестана, Адыгеи, Чечни и Ставрополья близки к среднероссийскому, данное значение существенно ниже в электроэнергетике и газовой отрасли. Доля потерь энергии в сетях общего пользования в связи с высоким уровнем износа электросетей и распространением безучетных подключений в республиках Северного Кавказа составляет 25 % (в Дагестане — 42 %) при среднем по РФ 9 %¹.

¹ Отчет о выполнении работ. Схема и программа перспективного развития электроэнергетики Республики Дагестан на период 2023–2027 годов. Том 1. Книга 1. Создание информационно-аналитической базы по состоянию электроэнергетики Республики Дагестан. Государственный контракт № 3389–44/22.

Инвестиции в основной капитал в пересчете на одного человека из состава рабочей силы (IFC). По России в целом показатель вырос с 210,1 до 258,9 тыс. р. (в постоянных ценах), в рассматриваемых 11 регионах он был ниже, самый низкий — с 2020 г. в Ингушетии, при этом в половине регионов он немного увеличился за период, в половине — незначительно уменьшился. В большинстве регионов в период пандемии наблюдался временный рост показателя с последующим возвращением примерно на прежний уровень. Рейтинг регионов по величине его прироста за весь период следующий (в порядке ухудшения, процент): r-RA (65,24), r-CHR (39,36), r-SK (30,94), r-RUS (23,21), r-KBR (12,19), r-RD (1,18), r-KK (-5,77), r-RSOA (-7,09), r-RK (-25,55), r-KCHR (-26,10), r-RI (-41,86), r-AO (-62,50). Среднее за период значение составило (в порядке ухудшения, тыс. руб.): r-RUS (229,2), r-AO (175,2), r-KK (161,1), r-RA (150,5), r-RD (145,0), r-SK (126,0), r-CHR (110,8), r-RK (105,3), r-KCHR (97,1), r-RSOA (85,5), r-KBR (82,6), r-RI (67,5).

Абсолютный показатель инвестиций в основной капитал северокавказских республик в 2023 г. превысил 1 трлн р., а в 2024 г. — 1,2 трлн р.² Традиционно развитыми и инвестиционно привлекательными секторами являются туризм (Ставрополье, Кабардино-Балкария, Краснодарский край, Карачаево-Черкесия) и АПК (Чечня, Дагестан, Ингушетия), а в последние годы — транспорт и логистика.

Стоимость основных фондов в пересчете на одного человека из состава рабочей силы (CFA). Значение показателя для России в целом выросло за период с 2,55 до 3,50 млн р., при этом рост наблюдался только в 2019–2020 гг., и затем вновь сменился спадом. Аналогичные тенденции были характерны для всех регионов, при этом в Астраханской области и Краснодарском крае значения показателя были близки к среднероссийским, в остальных регионах — ниже, но с меньшей амплитудой колеблемости. Во всех регионах, кроме Дагестана и Северной Осетии, показатель за рассматриваемый период вырос. Рейтинг регионов по величине его прироста за весь период следующий (в порядке ухудшения, процент): r-RA (68,73), r-KK (49,45), r-KCHR (40,47), r-KBR (39,97), r-RUS (37,22), r-RI (24,79), r-SK (18,95), r-CHR (9,50), r-RK (5,26), r-AO (2,09), r-RSOA (-0,75), r-RD (-38,48). Среднее за период времени значение составило (в порядке ухудшения, млн руб.): r-RUS (3,48), r-KK (3,24), r-AO (3,15), r-RK (1,81), r-SK (1,68), r-RA (1,65), r-KCHR

² РБК. (2024). Инвестиции в основной капитал регионов СКФО превысили 1 трлн рублей. <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/freenews/65f32dd09a794715ed7fa436> (дата обращения: 14.03.2024).

(1,39), r-RD (1,04), r-CHR (1,00), r-RSOA (0,88), r-KBR (0,85), r-RI (0,57).

Хотя в исследуемом периоде показатель вырос почти во всех субъектах, но абсолютное значение в большинстве регионов (Дагестан, Чечня, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Ингушетия) отличается от среднероссийского уровня в 3–7 раз.

В) Характеристики результативности деятельности производственной системы региона.

Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций в пересчете на одного человека из состава рабочей силы (BFR). В целом по России показатель вырос с 118,46 до 269,07 тыс. р. (в постоянных ценах), значительно колеблясь от года к году. Относительно близкие к этому результаты были характерны для Астраханской области, Краснодарского и Ставропольского краев, причем размах колеблемости в первой был сопоставим со среднероссийским, во втором и третьем — меньше по уровню и амплитуде, в остальных регионах был около нуля. Во всех регионах, за исключением Калмыкии, наблюдалось уменьшение показателя в 2020 г., вероятно, это обусловлено пандемией. За рассматриваемый период значение показателя снизилось в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чечне, в остальных — выросло в большей или меньшей мере. Рейтинг регионов по величине его прироста за весь период следующий (в порядке ухудшения, процент): r-RA (954,02), r-RUS (127,14), r-AO (102,54), r-SK (88,20), r-RSOA (84,89), r-KK (72,58), r-RK (68,12), r-RD (45,63), r-RI (31,58), r-CHR (–39,28), r-KBR (–45,91), r-KCHR (–479,55). Среднее за период значение составило (в порядке ухудшения, тыс. руб.): r-AO (200,63), r-RUS (200,60), r-KK (123,07), r-SK (50,68), r-RA (14,09), r-RK (5,13), r-RSOA (–5,90), r-KCHR (–7,92), r-RD (–8,71), r-RI (–10,02), r-KBR (–12,60), r-CHR (–17,45).

В документах официальной отчетности фиксируются отрицательные (или близкие к нулю — в Калмыкии) результаты финансово-хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования во всех этнорегионах. Вероятно, это связано с ведением хозяйственной деятельности в нелегальной форме и максимизацией неучтенной прибыли. Аналогичная картина складывается и относительно следующего показателя.

ВРП в пересчете на одного человека из состава рабочей силы (GRP). Показатель для России в целом оказался выше, чем в остальных регионах, на протяжении всего периода и увеличился за это время с 1045,4 до 1194,6 тыс. р. Достаточно близкой к этому и лучше других регионов ситуация наблюдалась в Астраханской области и Краснодарском крае, в остальных — несколько хуже и с отрывом от них. В значительной ча-

сти других регионов колеблемость была ниже, в некоторых в 2020 г. наблюдалось временное увеличение показателя. За период ухудшились значения в Дагестане, Ингушетии, Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае, в других регионах — улучшились. Рейтинг регионов по величине его прироста за весь период следующий (в порядке ухудшения, процент): r-RK (25,71), r-RUS (14,28), r-RA (13,57), r-AO (10,46), r-KK (8,53), r-KBR (7,23), r-RSOA (1,67), r-CHR (1,01), r-SK (–0,13), r-KCHR (–6,92), r-RD (–12,53), r-RI (–16,89). Среднее за период значение составило (в порядке ухудшения, тыс. руб.): r-RUS (1127,9), r-AO (947,7), r-KK (867,8), r-RK (595,1), r-RA (591,2), r-SK (538,7), r-RSOA (466,1), r-RD (444,5), r-KCHR (380,1), r-KBR (350,4), r-CHR (329,6), r-RI (221,4).

В качестве основных факторов, повлиявших на изменения ВРП в указанных регионах, следует выделить, с одной стороны, инвестиции в основной капитал и стоимость основных фондов, а с другой — внутренние затраты на научные исследования и инновационную активность организаций.

Доля продукции сельского хозяйства в валовом региональном продукте (AOGRP). С 2017 по 2023 г. для России в целом показатель уменьшился с 6,41 до 5,41 %. Во всех регионах СКИП РФ его значения были выше, колеблемость — почти незначительной. Наилучший уровень показателя был в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, наихудший — в Астраханской области. В целом за период ситуация улучшилась в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечне, в других регионах — немного ухудшилась. Рейтинг по величине его прироста за весь период следующий (в порядке ухудшения, процент): r-RI (56,57), r-RSOA (45,57), r-CHR (18,53), r-RD (15,82), r-KBR (12,03), r-AO (–0,87), r-KCHR (–8,71), r-RUS (–15,61), r-SK (–15,62), r-KK (–18,43), r-RA (–19,22), r-RK (–48,29). Среднее за период значение показателя составило (в порядке ухудшения, процент): r-KCHR (33,6), r-KBR (31,8), r-RK (27,4), r-SK (24,0), r-RD (19,9), r-RA (18,9), r-RI (18,7), r-RSOA (18,0), r-KK (15,1), r-CHR (14,3), r-AO (9,0), r-RUS (6,2).

В сельском хозяйстве СКИП лидируют традиционные секторы экономики: садоводство, виноградарство и овцеводство. Зачастую аграрные секторы экономики обуславливают сохранение традиционных форм хозяйствования и институтов. Например, овцеводство некоторых республик продолжает оставаться отгонным.

Чистый экспорт со всеми странами в пересчете на одного человека из состава рабочей силы (NE). Общероссийское значение на протяжении всего периода до 2021 г. (за 2022–2023 гг. официальные данные отсутствуют) выросло с 1,71 до 2,43 тыс. долл. США (в постоянных ценах),

при этом колеблемость была значительной. Меньшие, но положительные величины показателя были зафиксированы в Астраханской области, Краснодарском и Ставропольском краях, в других регионах — близкие к нулю, в том числе и отрицательные. В целом за период ситуация по этому показателю улучшилась во всех регионах, кроме Адыгеи, Краснодарского края и Кабардино-Балкарии. Рейтинг регионов по величине его прироста за весь период следующий (в порядке ухудшения, процент): r-RK (192,09), r-RSOA (183,47), r-RI (112,82), r-SK (99,82), r-KCHR (85,55), r-AO (51,84), r-CHR (46,86), r-RUS (42,34), r-RD (29,31), r-KBR (-10,94), r-KK (-27,64), r-RA (-159,33). Среднее за период значение составило (в порядке ухудшения, тыс. долл. США): r-RUS (2,09), r-AO (0,90), r-KK (0,84), r-SK (0,37), r-RSOA (0,16), r-RK (0,00), r-RI (-0,02), r-CHR (-0,03), r-RD (-0,05), r-KBR (-0,06), r-RA (-0,12), r-KCHR (-0,25). Основными экспортными товарами субъектов РФ, входящих в состав СКФО, являются зерно (16,7 % всего экспорта СКФО в 2020 г.), а также мясо и субпродукты (10,1 % всего экспорта)¹.

Тенденции изменения ситуаций в рассматриваемых регионах предположительно были обусловлены (сопровождались) следующими особенностями (факторами):

— в 2017–2023 гг. результаты определялись реализацией федеральных и региональных программ в рамках национальных проектов РФ, местной спецификой хозяйственных укладов и другими, включая исторические, факторами; их совокупное воздействие обеспечило указанные эффекты;

— различия между регионами в плане объемов произошедших изменений небольшие, при этом наблюдается нечеткое выравнивание ситуаций в них; особо высокие по модулю прироста показатели (в том числе с отрицательным знаком), выявленные в ряде регионов, в значительной мере объясняются эффектом «низкого старта»;

— оценки уровней «собственно региональных» изменений ситуации приведены ниже.

Ситуация в разрезе регионов

Сравним динамику ситуаций в регионах по трем указанным группам показателей (рис. 2). Для этого они были нормированы по среднероссийским значениям, которые на диаграммах имеют уровень единицы и отдельно не приведены. Для обеспечения сравнимости регионов на четырех диаграммах принята единая шкала, для обеспечения сопоставимости всех показате-

телей только на рисунке 2 значения показателя AOGRP уменьшены в три раза. В верхней части каждой диаграммы представлены показатели группы А (характеристики населения региона), в средней — группы Б (характеристики состояния и развития производственной системы региона), в нижней — группы В (характеристики результативности деятельности производственной системы региона). В левой полуплоскости приведены значения за 2017 г., в правой — за 2023 г. (для показателя NE значения приведены за 2021 г.).

Практически во всех регионах, за исключением Астраханской области и Краснодарского края, за рассматриваемый период произошли только незначительные изменения по большинству показателей, при этом значения редко превышали среднероссийский уровень. На всех диаграммах показатели группы А в основном имеют небольшие значения, группы Б — более существенные, группы В — низкие, за исключением показателя AOGRP. Ситуация в рассматриваемом макрорегионе (кроме сельского хозяйства) выглядит скорее неблагоприятно; заметного эффекта государственных программ регионального развития не выявлено. Иными словами, при наличии потенциала регионы демонстрируют сравнительно низкую результативность (по официальной статистике). На этом фоне Астраханская область и Краснодарский край выглядят лучше: они опережают остальные регионы, а по ряду показателей достигают и превосходят общероссийский уровень; эффективность их производственных систем в целом выше.

В аграрном секторе наблюдается обратная картина: географическое положение и климат, а также историческая аграрная специализация способствовали развитию сельского хозяйства. Результативность производственной системы аграрного сектора в разрезе показателя «Доля продукции сельского хозяйства в ВРП» в среднем в 3–4 раза превосходит аналогичные оценки по остальным показателям. В Астраханской области и Краснодарском крае значения ниже.

Нормирование показателей по среднероссийским уровням, в значительной мере нивелировавшее влияние общероссийских трендов, показало: за шесть лет реализации региональных госпрограмм в рамках национальных проектов РФ «собственно региональные» изменения невелики. Вероятно, ориентация регионов на федеральный центр и зависимость от общероссийской динамики, характерные для периода до 2018 г. и ранее для плановой экономики СССР, отчасти сохраняются.

Сведем вместе рейтинги регионов по величинам прироста показателей за весь период времени, приведенным выше при описании ситуации по каждому из 11 показателей (индикаторов).

¹ Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года. <http://static.government.ru/media/acts/files/1202205060019.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).

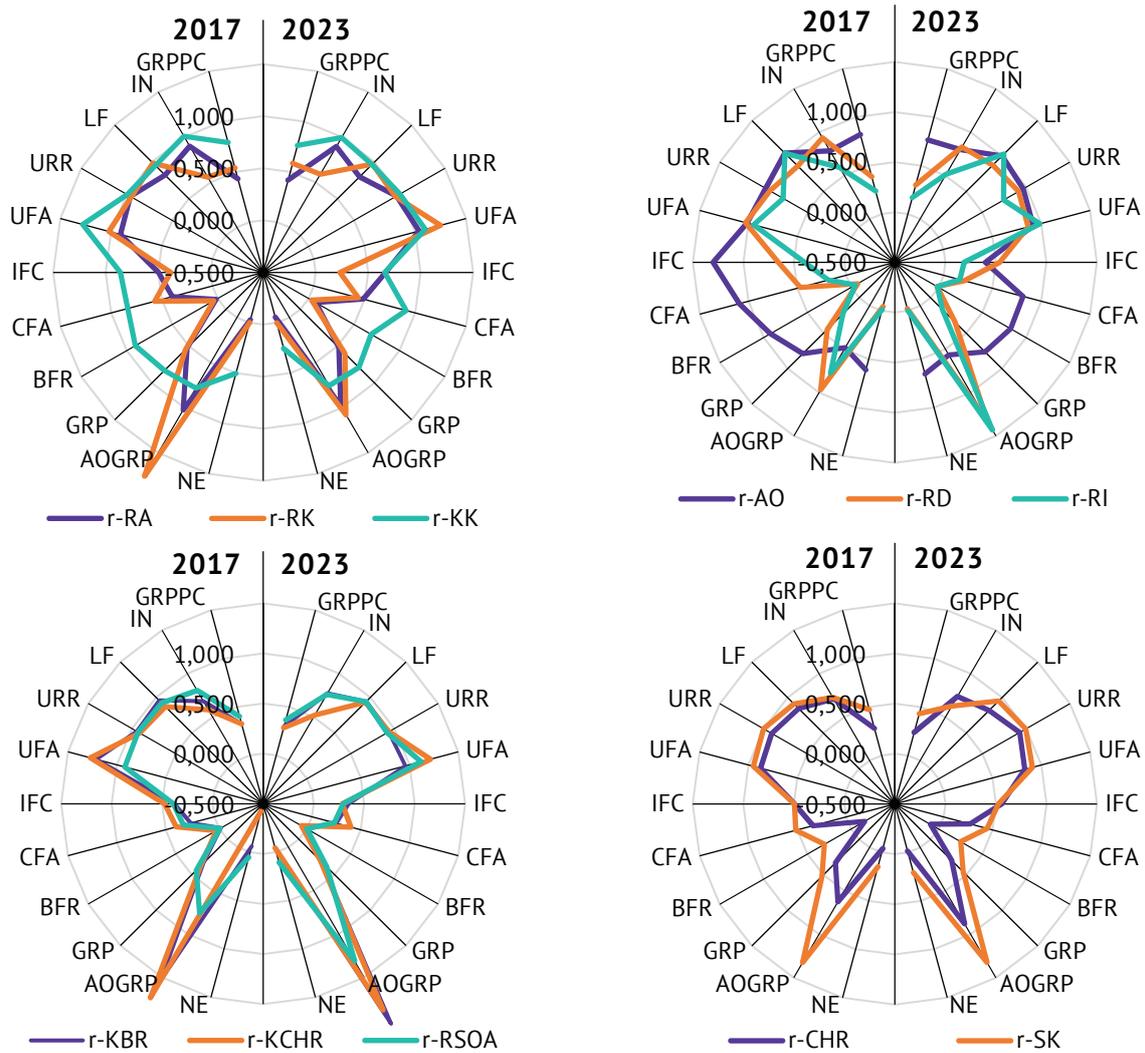

Рис. 2. Динамика параметров ситуаций в регионах (источник: составлено авторами)
 Fig. 2. Regional parameter dynamics (Source: compiled by the authors)

Для этого рассчитаем средние значения позиций каждого региона в рейтингах показателей каждой из групп (А, Б, В) отдельно по формуле:

$$R_j = \frac{\sum_{i=1}^n r_i}{n}, \quad (15)$$

где R_j — среднее арифметическое невзвешенное значение позиций в рейтингах по разным показателям региона в j -й группе показателей (А, Б или В); r_i — позиция региона в рейтинге по i -му показателю одной группы; n — количество показателей в одной группе.

Результаты представлены в столбцах А, Б, В таблицы 1. Затем аналогичным образом усредним позиции каждого региона в этих трех столбцах и сформируем итоговый (совместный по всем показателям) рейтинг (предпоследний столбец таблицы 1). Регионы упорядочим по итоговому рейтингу в порядке ухудшения ситуации.

Отдельно от предыдущего аналогичным образом сведем вместе рейтинги регионов по средним за весь период времени значениям этих же

показателей, приведенные выше при описании ситуации по каждому из них, и представим результаты в таблице 2.

В верхней части таблицы 1 расположились относительно развитые регионы (Краснодарский и Ставропольский края), а также Калмыкия и Адыгея, в нижней — депрессивные республики Северного Кавказа. При этом для попадания в топ малым регионам (Калмыкия, Адыгея) достаточно влияния ведущих факторов: относительно развитого добывающего сектора или интеграции в мощную агломерацию. В верхней части таблицы 2 представлены некавказские прикаспийские регионы (Краснодарский край, Астраханская область, Калмыкия), в нижней — прикаспийско-кавказские этнорегионы¹. Сопоставление по средним значениям закономерно выделяет регионы-локомотивы с крупной и диверсифици-

¹ Республика Адыгея, которую также следует относить к этнорегионам, географически расположена внутри Краснодарского края, а Республику Калмыкия следует относить скорее к Прикаспию, нежели к Кавказскому региону.

Таблица 1

Итоговые места в рейтингах регионов по величинам прироста показателей за весь период времени

Table 1

Final regional rankings by total indicator growth for the entire period

Регион	Группы показателей			Итоговый рейтинг	
	А	Б	В	Среднее значение	Позиция
Республика Калмыкия	3,33	6,25	5,25	4,94	1
Республика Адыгея	6,33	1,75	6,75	4,94	2
Республика Северная Осетия – Алания	6,33	7,50	4,00	5,94	3
Краснодарский край	5,00	5,00	8,00	6,00	4
Ставропольский край	7,00	5,75	6,50	6,42	5
Астраханская область	7,00	8,75	4,75	6,83	6
Карачаево-Черкесская Республика	6,33	5,75	8,50	6,86	7
Кабардино-Балкарская Республика	5,33	7,75	8,00	7,03	8
Чеченская Республика	8,00	6,50	7,00	7,17	9
Республика Ингушетия	10,33	8,25	6,25	8,28	10
Республика Дагестан	8,67	10,00	8,00	8,89	11

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Итоговые места в рейтингах регионов по средним за весь период времени значениям показателей

Table 2

Final regional rankings by average indicator values for the entire period

Регион	Группы показателей			Итоговый рейтинг	
	А	Б	В	Среднее значение	Позиция
Краснодарский край	3,33	2,00	4,50	3,28	1
Астраханская область	3,00	4,75	4,00	3,92	2
Республика Калмыкия	6,00	5,25	4,75	5,33	3
Ставропольский край	7,00	6,25	4,50	5,92	4
Республика Адыгея	7,00	5,25	6,75	6,33	5
Республика Северная Осетия – Алания	7,00	8,50	6,75	7,42	6
Республика Дагестан	7,33	8,00	7,75	7,69	7
Карачаево-Черкесская Республика	10,00	6,25	7,50	7,92	8
Кабардино-Балкарская Республика	7,33	8,25	8,25	7,94	9
Республика Ингушетия	8,33	10,75	9,00	9,36	10
Чеченская Республика	9,67	9,75	10,25	9,89	11

Источник: составлено авторами.

рованной экономикой или с мощным промышленным производством в сфере ТЭК (Калмыкия).

Для приведенных на рисунке 2 нормированных показателей для 2017 г. и отдельно для 2023 г. были оценены парные линейные корреляционные взаимосвязи пространственных (одномоментных) данных. Такая нормировка позволяет, по мнению авторов, снизить объективно существующие колеблемости показателей в масштабе страны, не всегда характерные непосредственно для исследуемого макрорегиона. Выявленные парные корреляции части показателей оказались ожидаемыми, но не исчерпывающими с позиции экономической логики. При этом они были рассчитаны без временных лагов (они неизвестны), обычно характерных для подобных систем, что не позволяет делать однозначные выводы о наличии непосредственных причинно-следственных зависимостей. Следует отметить, что значения показателя NE

близки к нулю, а корреляция рассматриваемых факторов с показателем AOGRP (самым «благоприятным» для макрорегиона) не выявлена. В целом лучшие показатели регионального развития демонстрируют некавказские прикаспийские регионы; почти по всем показателям им уступают прикаспийско-кавказские этнорегионы.

Заключение и рекомендации

Основные макроэкономические показатели СКиП ниже среднероссийских, и относительное преимущество фиксируется главным образом в сельском хозяйстве, что во многом объясняется природно-климатическими условиями и исторической специализацией региона. Вместе с тем, высокая доля сельского хозяйства в ВВП (в данном случае — ВРП)¹ нередко указывает на низ-

¹ Доля сельского хозяйства в ВВП развитых стран редко превышает 2,5 %.

кий уровень развития, особенно когда аграрное производство преимущественно ориентировано на внутренний рынок, а не на экспорт.

Рассматриваемый макрорегион обладает хорошим потенциалом социально-экономического развития, однако результативность его хозяйственной системы остается скромной, несмотря на реализацию в стране государственных программ. Из-за исторически сложившихся укладов часть экономических результатов, особенно в этнорегионах, не отражается в официальной статистике. Ситуацию может изменить нормативно-правовое регулирование.

Прочно укоренившийся характер этнородовых отношений в ряде субъектов приводит к возникновению конфликта интересов. В соответствии со ст. 10 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии коррупции» лицами, находящимися в близком родстве или свойстве, считаются родители, супруг, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей. В регионах, где этнородовые отношения

носят устойчивый характер, под «своими» понимаются и двоюродные лица. Представляется целесообразным включить в перечень лиц, находящихся в близком родстве, и родственников по двоюродной линии.

Другой формой регулирования специфических институциональных отношений в регионе является, на наш взгляд, внесение дополнений в Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», предполагающих обязательность проведения общественных слушаний республиканских программ развития, дабы минимизировать явления этнофаворитизма при распределении бюджетных ресурсов.

Представляется возможным предложить в будущих исследованиях и ряд других механизмов, учитывающих национальные / институциональные особенности и направленных на снижение роли ненаблюдаемой экономики. Междисциплинарные исследования могут помочь глубже понять движущие силы развития рассматриваемых регионов.

Список источников

- Авксентьев, В. А., Гриценко, Г. Д. (2023). Северный Кавказ: факторный анализ и прогнозы динамики региональной ситуации. *Регионоведение*, 31(3), 442–458. <http://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.442-458>
- Алибий, Х. М., Сарбашева, Е. М. (2022). Куда дрейфует российский Кавказ? *Индустриальная экономика*, 6(3), 489–496. https://doi.org/10.47576/2712-7559_2022_3_6_489
- Аскеров, Н. С. (2018). Особенности модернизации экономики полиэтничного региона. *Вопросы политической экономики*, (3), 58–70.
- Ахмедуев, А. Ш. (2021). Государственная политика регионального развития и ее последствия в регионах Северного Кавказа: неравенство, безработица, бедность. *Региональные проблемы преобразования экономики*, (5(127)), 5–16. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-5-5-16>
- Бабаян, Д. (2012). Северный Прикаспий на геополитической повестке КНР. *Центральная Азия и Кавказ*, 15(3), 63–77.
- Бадокина, Т. Е., Лизина, О. М. (2021). Оценка масштабов теневого сектора в российских регионах. *Экономика и управление: проблемы, решения*, 2(10), 78–86. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2021.10.02.010>
- Гадиева, А. Н. (2020). Условия эффективного развития горных территорий (на примере северокавказского региона). *Общество: социология, психология, педагогика*, 12(80), 97–100. <https://doi.org/10.24158/spp.2020.12.17>
- Гранберг, А. Г., Сулов, В. И., Суспицын, С. А. (2008). Экономико-математические исследования многорегиональных систем. *Регион: экономика и социология*, (2), 120–150.
- Гурович, А. М., Чистов И. В. (2021). Проблемные аспекты пространственного развития государства: подходы и направления. *Индустриальная экономика*, (2–2), 16–19. https://doi.org/10.47576/2712-7559_2021_2_2_16
- Домбровская, О. В. (2022). Специфика и ключевые черты современного этапа социально-экономического развития экономики прикаспийского региона. *Вестник МЮФА*, (2), 114–128. https://doi.org/10.52210/2224669X_2022_2_114
- Ефимова, Е. Г. (2009). Роль транспорта в экономическом развитии региона: международный аспект. *Вестник СПбГУ. Сер. 5*, (1), 77–85.
- Захарова, Е. А., Давыдов, Д. В., Земцова, Е. М. (2023). Новая экономическая география: тридцать лет спустя. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 39(1), 127–155. <http://doi.org/10.21638/spbu05.2023.106>
- Калениченко, В. В., Суровцов, Л. К., Шалабин, Г. В. (2014). Использование моделей динамического межотраслевого баланса для анализа экономики РФ. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, (1), 123–143.
- Селиверстов, В. Е., Кравченко, Н. А., Клисторин, В. И., Юсупова, А. Т. (2021). Российские регионы и федеральный центр в противостоянии глобальным угрозам: год борьбы с пандемией коронавируса. *Регион: экономика и социология*, 1(109), 3–46. <http://doi.org/10.15372/REG20210101>

Соколов, Б. В., Верзилин, Д. Н., Максимова, Т. Г., Чжан, М. (2023). Взаимное влияние интеллектуального капитала и информационных технологий управления, *Информатика и автоматизация*, 22(5), 968–1003. <http://doi.org/10.15622/ia.22.5.2>

Стародубровская, И. В., Казенин, К. И., Ситкевич Д. А. (2021). Северный Кавказ: выбор стратегических ориентиров. *Экономическая политика*, 16(3), 112–137. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-3-112-137>

Стрижкова, Л. А., Куранов, Г. О. (2021). Потенциалы и ограничения инструментария «затраты-выпуск» (к 60-летию юбилею статистических работ в области межотраслевых исследований на пространстве СНГ). *Мир новой экономики*, 15(1), 60–74. <http://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-1-60-74>

Суслов, В. И., Ибрагимов, Н. М., Мельникова, Л. В. (2018). Коалиционный анализ и эффекты межрегиональной интеграции. *Экономика региона*, 14(4), 1131–1144. <http://doi.org/10.17059/2018-4-6>

Суспицын, С. А. (2018). Об изменении отношений регионов и федерального центра. Под ред. В. И. Герасимова. *Россия: тенденции и перспективы развития. Выпуск 13, часть 1* (с. 1076–1081). Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН.

Щербаков, В., Терещенко, Д. (2023). Верификация региональной мобильности капитала в Российской Федерации: пространственно-эконометрический подход. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 39(1), 102–126. <http://doi.org/10.21638/spbu05.2023.105>

Akbasheva, A. A., Dzakhmisheva, I. Sh., Shevkhuzheva, L. A., & Masalova, J. V. (2020). An overview of the social-economic development of the constituent territories of the North Caucasus Federal District. *Proceedings of the Russian Conference on Digital Economy and Knowledge Management* (pp. 1–6). <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200730.001>

Bristow, G., & Healy, A. (2018). *Economic crisis and the resilience of regions: European study*. Edward Elgar Publ. Ltd, 168. <https://doi.org/10.4337/9781785364006>

Holland, E. C. (2016). Economic development and subsidies in the North Caucasus. *Problems of Post-Communism*, 63(1), 50–61. <http://doi.org/10.1080/10758216.2015.1067750>

Kolosov, V. A., Vendina, O. I., Gritsenko, A. A., Glezer, O. B., Zotova, M. V., Sebentsov, A. B., & Panin, A. N. (2017). Economic and social reforms in the North Caucasus: Goals, limitations, problems, and results. *Regional Research of Russia*, 8(4), 342–355. <http://doi.org/10.1134/S2079970517030029>

Kumo, K., Korgun, I. A., Koval, A. G., & Trofimenko, O. Yu. (2018). Foreign trade and regional inequality: The case of the Russian Federation. *Ekonomika Regiona [Economy of Region]*, 14(3), 884–895. <http://doi.org/10.17059/2018-3-14>

Porter, M. (1998). Clusters and the new economics of competition. *Harvard Business Review*, (6), 77–90. <https://hbr.org/1998/11/clusters-and-the-new-economics-of-competition> (дата обращения: 30.12.2024).

Saralinoва, D., Dokhkilgova, D., & Kurshieva, N. (2023). Optimization of the mechanism for strategic planning of socio-economic development of the North Caucasus Federal District. *SHS Web of Conferences*, 172, 02053. <http://doi.org/10.1051/shsconf/202317202053>

Verzilin, D., Maximova, T., Antokhin, Y., & Sokolova, I. (2018). Integration of Heterogeneous Data in Monitoring Environmental Assets. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 765, 176–185. http://doi.org/10.1007/978-3-319-91192-2_19

References

Akbasheva, A. A., Dzakhmisheva, I. Sh., Shevkhuzheva, L. A., & Masalova, J. V. (2020). An overview of the social-economic development of the constituent territories of the North Caucasus Federal District. *Proceedings of the Russian Conference on Digital Economy and Knowledge Management* (pp. 1–6). <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200730.001>

Alibiy, Kh. M., Sarbasheva, Ye. M. Where is the Russian Caucasus drifting? *Industrial'naya Ekonomika [Industrial Economics]*, 6(3), 489–496. http://doi.org/10.47576/2712-7559_2022_3_6_489 (In Russ.)

Askerov, N. S (2018). Modernization of the Economy of the Multiethnic Region. *Issues of Political Economy*, (3), 58–70. https://doi.org/10.47576/2712-7559_2022_3_6_489 (In Russ.)

Akhmeduyev, A. Sh. (2021). State Policy of Regional Development and its Consequences in the Regions of the North Caucasus: Inequity, Unemployment, Poverty. *Regional'nyye Problemy Preobrazovaniya Ekonomiki [Regional Problems of Transforming the Economy]*, (5(127)), 5–16. <http://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-5-5-16> (In Russ.)

Avksentyev, V. A., & Gritsenko, G. D. (2023). The North Caucasus: Factor Analysis and Forecasts of the Regional Situation Dynamics. *Regionologiya [Russian Journal of Regional Studies]*, 31(3), 442–458. <http://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.442-458> (In Russ.)

Babayan, D. (2012). The Northern Caspian on China's Geopolitical Agenda. *Tsentr'al'naya Aziya i Kavkaz [Central Asia and the Caucasus]*, 15(3), 63–77. (In Russ.)

Badokina, T. E., & Lezina, O. M. Assessment of the Scale of the Shadow Sector in Russian Regions. *Ekonomika i Upravlenie: Problemy, Resheniya [Economics and Management: Problems, Solutions]*, 2(10), 78–86. <https://doi.org/doi:10.36871/ek.up.p.r.2021.10.02.010> (In Russ.)

Bristow, G., & Healy, A. (2018). *Economic Crisis and the Resilience of Regions: European Study*. Edward Elgar Publ. Ltd, 168. <https://doi.org/10.4337/9781785364006>

- Dombrovskaya, O. V. (2022). Specificity and Key Features of the Current Stage of Socio-Economic Development of the Economy of the Caspian Region. *Vestnik MYUFA [Bulletin of the Moscow University of Finance and Law (MFUA)]*, (2), 114–128. http://doi.org/210/2224669X_2022_2_114 (In Russ.)
- Efimova, E. G. (2009). The Role of Transport in the Regional Economic Development: International Aspect. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika. Seriya 5 [St. Petersburg University Journal of Economic Studies. Series 5]*, (1), 77–85. (In Russ.)
- Gadiyeva, A. N. (2020). Conditions for Effective Development of Mountain Regions (the Case of the North Caucasus). *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics]*, 12(80), 97–100. <https://doi.org/10.24158/spp.2020.12.17> (In Russ.)
- Granberg, A. G., Suslov, V. I., & Suspitsyn, S. A. (2008). Economic-Mathematical Studies of Multiregional Systems. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]*, (2), 120–150. (In Russ.)
- Gurovich, A. M., & Chistov, I. V. (2021). Problematic Aspects of the Spatial Development of the State: Approaches and Directions. *Industrial'naya ekonomika [Industrial Economics]*, (2–2), 16–19. https://doi.org/10.47576/2712-7559_2021_2_2_16 (In Russ.)
- Holland, E. C. (2015). Economic Development and Subsidies in the North Caucasus. *Problems of Post-Communism*, 63(1), 50–61. <http://doi.org/10.1080/10758216.2015.1067750>.
- Kalenichenko, V. V., Surovtsov, L. K., & Shalabin, G. V. (2014). Application of the Dynamic Input-Output Economic Growth Model for the Analysis of Russian Economy. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Ekonomika [St. Petersburg University Journal of Economic Studies]*, (1), 123–143. (In Russ.)
- Kolosov, V. A., Vendina, O. I., Gritsenko, A. A., Glezer, O. B., Zotova, M. V., Sebentsov, A. B., & Panin, A. N. (2017). Economic and Social Reforms in the North Caucasus: Goals, Limitations, Problems, and Results. *Regional Research of Russia*, 8(4), 342–355. <doi.org/10.1134/S2079970517030029>.
- Kumo, K., Korgun, I. A., Koval, A. G., & Trofimenko, O. Yu. (2018). Foreign Trade and Regional Inequality: The Case of the Russian Federation. *Ekonomika Regiona [Economy of Region]*, 14(3), 884–895. <http://doi.org/10.17059/2018-3-14>.
- Porter, M. (1998). Clusters and the New Economics of Competition. *Harvard Business Review*. <https://hbr.org/1998/11/clusters-and-the-new-economics-of-competition> (Date of access: 30.12.2024).
- Saralinoва, D., Dokhkilgova, D., & Kurshieva, N. (2023). Optimization of the Mechanism for Strategic Planning of Socio-Economic Development of the North Caucasus Federal District. *SHS Web of Conferences 172*, 02053. <doi.org/10.1051/shsconf/202317202053>
- Seliverstov, V. Ye., Kravchenko, N. A., Klistorin, V. I., & Yusupova, A. T. (2021). Russian Regions and the Federal Center Against Global Threats: A Year of Fighting Covid-19. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]*, 1(109), 3–46. <http://doi.org/10.15372/REG20210101> (In Russ.)
- Shcherbakov, V., & Tereshchenko, D. (2023). Verification of Regional Capital Mobility in the Russian Federation: A Spatial Econometric Approach. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Ekonomika [St. Petersburg University Journal of Economic Studies]*, 39(1), 102–126. <http://doi.org/10.21638/spbu05.2023.105> (In Russ.)
- Sokolov, B. V., Verzhilin, D. N., Maksimova, T. G., & Chzhan M. (2023). Mutual Influence of Intellectual Capital and Information Technologies of Management. *Informatika i Avtomatizatsiya [Informatics and Automation]*, 22(5), 968–1003. <http://doi.org/10.15622/ia.22.5.2> (In Russ.)
- Starodubrovskaya, I. V., Kazenin, K. I., & Sitkevich, D. A. (2021). Northern Caucasus: Choosing Strategic Landmarks. *Ekonomicheskaya Politika [Economic Policy]*, 16(3), 112–137. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-3-112-137> (In Russ.)
- Strizhkova, L. A., & Kuranov, G. O. (2023). Potentials and Limitations of “Input-Output” Analysis (To the 60th Anniversary of Statistical Work in the Field of Intersectoral Research in the CIS Countries). *Mir Novoy Ekonomiki [The World of New Economy]*, 15(1), 60–74. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-1-60-74> (In Russ.)
- Suslov, V. I., Ibragimov, N. M., & Melnikova, L. V. (2018). Coalition Analysis and Effects of Interregional Integration. *Ekonomika Regiona [Economy of Region]*, 14(4), 1131–1144. <http://doi.org/10.17059/2018-4-6-29> (In Russ.)
- Suspitsyn, S. A. (2018). On the Changing Relations Between Regions and the Federal Center. In V. I. Gerasimov (Ed.), *Rossiya: Tendentsii i Perspektivy Razvitiya. Vypusk 13, Chast' 1 [Russia: Trends and Prospects of Development. Issue 13, Part 1]*, (pp. 1076–1081). Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
- Verzhilin, D., Maximova, T., Antokhin, Y., & Sokolova I. (2018). Integration of Heterogeneous Data in Monitoring Environmental Assets. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 765, 176–185. http://doi.org/10.1007/978-3-319-91192-2_19.
- Zakharova, Ye., Davydov, D., & Zemtsova, Ye. (2023). New Economic Geography: Thirty Years Later. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Ekonomika [St. Petersburg University Journal of Economic Studies]*, 39(1), 127–155. <http://doi.org/10.21638/spbu05.2023.106> (In Russ.)

Информация об авторах

Аскеров Низами Садитдинович — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой политической экономики, Дагестанский государственный университет; Scopus Author ID: 57221000049; <https://orcid.org/0000-0001-7559-4729> (Российская Федерация, 367000, г. Махачкала, улица М. Гаджиева, 43-А; e-mail: n.s.askerov@mail.ru).

Трофименко Ольга Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой мировой экономики, Санкт-Петербургский государственный университет; Scopus Author ID: 1412392410; <https://orcid.org/0000-0001-7035-3379> (Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; e-mail: o.trofimenko@spbu.ru).

Шаныгин Сергей Иванович — доктор экономических наук, профессор кафедры статистики, учета и аудита, Санкт-Петербургский государственный университет; Scopus Author ID: 57193430915; <https://orcid.org/0000-0002-2131-0951> (Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; e-mail: s.shanygin@spbu.ru).

About the authors

Nizami S. Askerov — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Dagestan State University; Scopus Author ID: 57221000049; <https://orcid.org/0000-0001-7559-4729> (43-A, M. Gadzhiev St., Makhachkala, 367000, Russian Federation; e-mail: n.s.askerov@mail.ru).

Olga Yu. Trofimenko — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Saint Petersburg State University; Scopus Author ID: 1412392410; <https://orcid.org/0000-0001-7035-3379> (7-9, Universitetskaya Embankment, St Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: o.trofimenko@spbu.ru).

Sergei I. Shanygin — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Saint Petersburg State University; Scopus Author ID: 57193430915; <https://orcid.org/0000-0002-2131-0951> (7-9, Universitetskaya Embankment, St Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: s.shanygin@spbu.ru).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Дата поступления рукописи: 25.01.2025.

Прошла рецензирование: 01.07.2025.

Принято решение о публикации: 25.12.2025.

Received: 25 Jan 2025

Reviewed: 01 Jul 2025.

Accepted: 25 Dec 2025.